ВАЛЕРИЙ КОРЕПИН

БЕЛЫЙ ДОПУСК

РОМАН

18+

Валерий Корепин

Белый допуск

«Автор»
2026

Корепин В. Д.

Белый допуск / В. Д. Корепин — «Автор», 2026

Сектор «Север-4» — последний живой город посреди вымерзшей пустоши, разделённый по праву дыхания. Под рыжим смогом Нижнего яруса задыхаются сто восемьдесят тысяч рабочих Серого допуска, а наверху, под стеклянным Куполом, правят неприкасаемые носители Белого допуска, чьи лица автоматика стирает даже с лент камер наблюдения.В ночь полярного шторма шеститонные бронезатворы на семьдесят два часа отрезают переходную станцию «Шлюз-1» от обоих миров. Утром внутри запертой изнутри стальной барокамеры находят мёртвым главного архитектора Реестра населения — с выжженным на ладони шестизначным номером женщины, официально эвакуированной на Юг пять лет назад.Номера собственной пропавшей жены разжалованный следователь Глеб Воронов не спутает ни с чем. У него есть меньше трёх суток и старый механический секундомер, чтобы вычислить убийцу среди восьми запертых в бункере людей — прежде чем откроются затворы и санитарный взвод зачистит свидетелей.

© Корепин В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Пепел и натрий 7
Часть I. Шлюз 9
Глава 1. Нижний ярус 9
Глава 2. Герметизация 11
Глава 3. Камера чистого воздуха 13
Глава 4. Белое пятно 15
Глава 5. Цифры на коже 17
Глава 6. Слепая лента 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Валерий Корепин
Белый допуск

Валерий Корепин
SetchatkaGlaza
БЕЛЫЙ ДОПУСК
Роман
2026

© Валерий Корепин / SetchatkaGlaza, 2026
18+
Для читателей старше 18 лет.
Содержит описания преступлений, сцен насилия, употребления табака и тяжёлых психологических состояний.

Произведение является художественным вымыслом. Совпадения с реальными лицами и событиями случайны.

Содержание
Пролог. Пепел и натрий
Часть I. Шлюз
Глава 1. Нижний ярус
Глава 2. Герметизация
Глава 3. Камера чистого воздуха
Глава 4. Белое пятно
Глава 5. Цифры на коже
Глава 6. Слепая лента
Глава 7. Клетка внизу
Глава 8. Оранжерея над бездной
Глава 9. Чужая вахта
Глава 10. Чужой газ
Глава 11. Обыск под бурей
Часть II. Горизонт Минус Три
Глава 12. Дрожащий скальпель
Глава 13. Конвейер душ
Глава 14. Очки на краю стола
Глава 15. Жестяная коробка
Глава 16. Железная женщина
Глава 17. Чашка остывшего чая
Глава 18. Шахта под котлами
Глава 19. Голоса из-под земли
Глава 20. След канифоли
Глава 21. Дочь архитектора
Глава 22. Ловушка на двоих
Часть III. Разгерметизация
Глава 23. Пропавший секретарь
Глава 24. Между бетоном и скалой
Глава 25. Архивариус
Глава 26. Секундомер

Глава 27. Пневмопочта
Глава 28. Матрица на бумаге
Глава 29. Сделка на пороге
Глава 30. Цена тепла
Глава 31. Открытие затворов
Глава 32. Серый снег
Эпилог. Первый вдох

Пролог. Пепел и натрий

Поезд санитарного переселения подали на Нулевую платформу без четверти полночь — длинный, выкрашенный матовой белой эмалью состав без единого герба и без номеров на вагонах.

Под бетонным сводом депо стоял привычный жёлто-рыжий полумрак натриевых прожекторов. С верхних ферм капал тёплый маслянистый конденсат, пахло мокрой угольной крошкой, хлоркой и дешёвым озоном от старых вентиляционных колонн. Вдоль перрона через каждые десять шагов стояли бойцы Санитарного корпуса в серых прорезиненных плащах и полумасках; белые пластиковые щитки на их груди глухо отсвечивали под лампами.

Глеб Воронов держал жену за оба запястья поверх грубых казённых рукавиц и никак не мог согреть её пальцы.

— Не смотри на конвойных, — тихо проговорила Марина, чуть приподнимаясь на носки, чтобы её губы оказались ближе к его небритой щеке. — У тебя опять этот взгляд, Глеб. Будто ты уже составил на каждого протокол осмотра и ищешь, куда подшить гильзу.

— У них на вагонах глухие ставни, приваренные изнутри точечной сваркой, — так же тихо ответил он, не разжимая ладоней. — Я тринадцать лет в сыске, Марина. Пассажирские эшелоны на южные террасы не заваривают по кромке перед отправкой.

— Это защита от соляных бурь на перешейке, нам вчера на инструктаже объясняли, — она попробовала улыбнуться, но тонкая жилка у левого уголка рта мелко дрогнула. — Четыреста километров по мёртвой полосе, потом карантинный лагерь у тёплой воды, а весной пришлют вызов на воссоединение семьи. У тебя же Синий допуск, старший следователь. Тебе не откажут.

Она говорила словами памятки, отпечатанной на серой обёрточной бумаге Санитарного комитета, и оба они прекрасно понимали, чего стоят эти строчки. Три недели назад у Марины на плановой диспансеризации нашли начальный фиброз нижней доли лёгкого — обычное дело для учителей начальных школ Нижнего яруса, где фильтры меняли раз в квартал вместо положенной недели. В списки «Добровольного оздоровительного переселения» её внесли за сорок восемь часов, без права апелляции и с аннулированием городской прописки.

Над рельсами сухо щёлкнул репродуктор. Женский механический голос без интонации произнёс:

— Вторая группа. Номера с четыреста девятнадцать ноль пятьдесят по четыреста девятнадцать сто двадцать. Посадка в четвёртый вагон. Сопровождающим отойти за жёлтую черту.

Марина быстро расстегнула верхнюю пуговицу ватника, достала из внутреннего кармана плоский круглый предмет на потёртом кожаном ремешке и вложила его в ладонь Глеба, с силой загнув его озябшие пальцы внутрь.

Старый механический секундомер «Слава» в никелированном корпусе, доставшийся ей от отца-гидролога, с тонкой косой трещинкой через стекло на отметке тридцати секунд.

— Зачем? — глухо спросил Глеб. — Возьми с собой. Там пригодится.

— Нам запретили любой металл кроме алюминиевой ложки и учётного жетона, — шепнула она, уже отступая на полшага под тяжёлым взглядом приближающегося старшины в полумаске. — Заводи каждое утро. Считай только то, что тикает в живой руке, Глеб. Их часам на стенах никогда не верь.

Старшина молча тронул её резиновой дубинкой за локоть, сверяя выбитый на белой нарукавной нашивке шестизначный номер со списком на планшете: четыреста девятнадцать — тире — ноль восемьдесят два.

Через две минуты пневматические двери четвёртого вагона сошлись с шипением сжатого воздуха. За узким бронестеклом тамбурного окошка на секунду мелькнула бледная ладонь

Марины, прижатая к мутному триплексу, — и состав без гудка, на одной тяжёлой электрической тяге скользнул в чёрное жерло северного тоннеля.

Обещанная открытка с Южного материка пришла ровно через девяносто суток.

Четыре печатные строчки о тёплом ветре и цитрусовых плантациях да подпись синими чернилами внизу. В тот же вечер Глеб заперся в пустой криминалистической лаборатории управления, положил бланк под ультрафиолетовую лампу и соскоблил с края открытки два миллиграмма бумажного волокна.

Целлюлоза оказалась хвойной, с характерной примесью торфяной золы и сульфата натрия третьей водокачки. Такую бумагу делали только в одном месте на свете — на четвёртом целлюлозном комбинате Нижнего яруса, в двух кварталах от его собственного дома.

Наутро Глеб Воронов подал официальный запрос в архив Санитарного комитета с требованием предъявить путевой журнал эшелона номер семнадцать. К вечеру того же дня у него отобрали удостоверение городского управления, срезали с рукава нашивку старшего дознавателя особого отдела и перевели участковым следователем в седьмой промышленный околоток под шлаковыми отвалами — разбирать пьяные поножовщины литейщиков и кражи пайкового жира, без права подъёма выше нулевой отметки.

Секундомер с треснутым стеклом он с тех пор заводил каждое утро ровно в шесть ноль-ноль. За пять лет пружина ни разу не отстала ни на полсекунды.

Часть I. Шлюз

Глава 1. Нижний ярус

В ноябре дневного света в седьмом промышленном околотке не бывало вовсе — только в полдень ржавая свинцовая пелена над вентиляционными градирнями чуть светлела до цвета грязного олова, а к трём часам пополудни вдоль эстакад снова зажигались длинные гирлянды натриевых фонарей.

Снег до нижних мостовых долетал уже тёмным. Проходя сквозь три километра тёплого угольного выхлопа и сернистого пара, ледяная крупа набирала копоть и ложилась под каблуки вязкой жирной кашей, которую чугунные скребки уборочных платформ лениво сгоняли в решётки ливневой канализации.

Глеб Воронов поднял воротник промокшего суконного пальто, приложил запястье с пластиковым жетоном Синего допуска к считывателю проходной и толкнул тяжёлую калитку изолятора временного содержания.

— Забирай своего говоруна, Аркадьич, — дежурный лейтенант в прокуренной шинели без лишних слов подвинул через окошко серую папку конвойного листа и связку стальных транспортных наручников. — Еле дождались тебя. Если до двадцати трёх тридцати не сдашь его под расписку коменданту первого шлюза, ночевать вам обоим здесь на голых лавках: метеослужба с девяти вечера дала штормовое первой категории по верхнему периметру.

Глеб расписался в нижней графе размашистым сухим почерком, проверил дату на казённом штемпеле и негромко спросил:

— Кто подписал перевод наверх в такую погоду? По сто четырнадцатой статье порчу казённого имущества судит районный трибунал на месте, в Купол таких не возят.

Лейтенант покосился на глухую камеру в глубине коридора и понизил голос:

— Из секретариата Санитарного комитета спустили прямую бумагу за подписью самой Корсаковой. Велено доставить без огласки к вечернему подъёмнику в первый атмосферный шлюз, без занесения в электронный табель этапирования. Ты бы с ним поосторожнее дорогой, Аркадьич. Парень не пьяный и не буйный — он хуже. Он трезвый.

Арестованного вывели через минуту.

Артёму Кравцову, слесарю-монтажнику шестого разряда из бригады глубокого дренажа, на вид было не больше двадцати восьми: широкоплечий, коротко остриженный, с въевшейся навсегда в трещины крупных пальцев графитовой смазкой и свежей сизо-багровой ссадиной на левой скуле. На запястье его серой рабочей робы болтался треснутый жетон Серого допуска.

Глеб защёлкнул стальные браслеты на его кистях спереди, оставив зазор в палец, чтобы не пережимать вены на морозе.

— До вагона монорельса двести метров против ветра, Кравцов, — ровно сказал он, убирая папку во внутренний карман пальто. — Пойдёшь спокойно — доедем в тепле. Дёрнешься в сторону эстакады — стрелять не стану, но ногу в колене выверну, потащу волоком по шлаку. Услышал?

Кравцов внимательно посмотрел на него светлыми, воспалёнными от бессонницы глазами.

— Мне бежать некуда, гражданин следователь, — хрипло ответил он. — Здесь бежать можно только вдоль забора по кругу. Вы бы лучше спросили у своих начальников, куда они вещдок из моего рапорта дели.

— В рапорте сказано, что ты кувалдой сбил свинцовую пломбу на резервном конденсатном стояке тридцать четвёртой шахты и устроил засор обратного клапана.

— Не устраивал я засор, — Кравцов криво усмехнулся разбитой губой, когда они вышли под косой ледяной заряд мокрой крупы во дворе околотка. — Клапан снизу забило, встречным подпором из-под базальтовой подушки. Нам по схеме говорят, будто под тридцать четвёртой шахтой сплошной мёртвый камень на полкилометра вглубь. Только из этого мёртвого камня вчера утром вместе с горячим рассолом вынесло женский латунный гребень и кусок серой больничной байки с вытравленным номером. Я мастеру показал — а через два часа за мной приехали люди в белых намордниках.

Глеб не ответил и даже шага не сбавил, будто пропустил слова арестованного мимо ушей, но пальцы его в правом кармане невольно коснулись холодного ободка секундомера.

Латунные гребни кустарной штамповки выдавали в женских бараках карантинных пунктов двенадцать лет назад — как раз в первые годы после Большой Пепельной зимы, когда весь уцелевший промышленный узел «Север-4» накрыли двухуровневой системой жизнеобеспечения: наверху, на гранитной скале над слоем смога, выстроили герметичный стеклянный Купол для управленцев, учёных и Санитарного комитета, а внизу, в котловине у геотермальных скважин, оставили сто восемьдесят тысяч рабочих Нижнего яруса. Между этими двумя мирами существовала только одна пуповина — циклопическая бетонная башня Атмосферного шлюза номер один, вбитая прямо в отвесный скальный уступ.

Служебный вагон монорельса шёл вверх по эстакаде почти пустым, тяжело раскачиваясь под боковыми ударами бури. За обледенелыми окнами внизу угасали ряды рыжих заводских огней: пробило двадцать два ноль-ноль, час комендантского отбоя для Серого допуска.

Когда вагон с протяжным визгом колодок втянулся в приёмный бетонный рукав Атмосферного шлюза номер один, стрелки стенных электрических часов на перроне показывали двадцать три восемнадцать.

До конца обычной пересменки оставалось сорок две минуты, а до начала десятилетней Большой Сверки — генеральной ревизии и сожжения закрытых архивов сектора — ровно трое суток.

Глава 2. Герметизация

Атмосферный шлюз номер один изнутри напоминал не вокзал, а чрево затопленной подводной лодки, отлитой из шестиметрового железобетона.

Нижний каземат с транзитными клетками и грузовыми лебёдками переходил по винтовым маршам в средний административно-гостиничный пояс, где пережидали декомпрессию и санитарную обработку чиновники, спускавшиеся из Купола по казённой надобности: из-за разницы атмосферного давления и газового состава между верхним парком и нижней котловиной прямой подъём в скоростной клети грозил баротравмой и спазмом сосудов, поэтому любой человек на пути наверх обязан был провести в переходном поясе станции не меньше четырёх часов.

Сдав промокшего Кравцова во временный бокс нижнего яруса и заперев решётку собственным ключом — штатного конвойного поста на станции ночью не держали, — Глеб поднялся по гулкой чугунной лестнице в главный распределительный зал доложить коменданту о доставке.

В зале с высоким сводчатым потолком и узкими бойницами бронестёкол, за которыми уже сплошной белой стеной ревела полярная пурга, было непривычно людно для полуночи.

У стойки дежурного коменданта стояла высокая сухощавая женщина лет пятидесяти пяти в безупречном тёмно-синем кителе без наград, с гладко зачёсанными назад стальными волосами и тонким квадратом Белого допуска на лацкане. Вера Георгиевна Корсакова, первый заместитель председателя Санитарного комитета сектора «Север-4». В двух шагах позади неё, держа под локтем кожаную папку с тиснёными протоколами и термос, замер бледный аккуратный молодой человек с наглухо застёгнутым воротничком белой сорочки — её личный секретарь-протоколист Илья Разин.

За низким столиком у стены с облупленной кадкой искусственного фикуса сидели ещё двое, явно старавшиеся не смотреть друг на друга: грузный старик с одутловатым землистым лицом, тяжёлыми мешками под глазами и таким же квадратом Белого допуска на борту дорогого шерстяного пальто — главный архитектор Реестра населения Константин Ильич Лазарев, которого Глеб не раз видел на портретах в ведомостях переписи, — и молодая женщина лет тридцати в зелёной куртке купольной ботанической службы с нашивкой Синего допуска, курившая тонкую папиросу с такой холодной злостью, словно каждое слово соседа причиняло ей зубную боль.

Комендант станции Марта Штольц — коренастая женщина с короткой седой челкой, выправкой бывшего офицера пограничной стражи и кобурой табельного револьвера на широком ремне — жёстко отчитывала у пульта связи пожилого сутулого механика в замасленном ватнике:

— Мне плевать на твои допуски износа, Вахромеев! На верхнем оголовке тридцать девять метров в секунду с обледенением несущего каната! Если клеть заклинит посреди скального ствола, кто полезет рубить лёд на сорокаградусном морозе — ты со своей одышкой?!

— Да не пройдёт сегодня клеть, Марта Карловна, хоть расстреляй меня у лебёдки, — угрюмо прогудел механик Борис Вахромеев, вытирая паклей красные обветренные кулаки. — Датчики натяжения на третьей опоре уже ушли в красную зону. Сейчас автоматика сама сработает — и кукуйте тут все до пятницы, что серые, что белые.

Корсакова обернулась от стойки; её светло-серые, лишённые всякого тепла глаза скользнули по потёртому пальто Глеба и остановились на бляхе районного следователя.

— Доставили задержанного с тридцать четвёртой шахты? — сухо спросила она.

— В нижнем транзитном боксе под замком, Вера Георгиевна. Старший следователь седьмого околотка Воронов, — Глеб положил на стойку сопроводительный лист. — Позволите подписать корешок — я успею уйти последним вагоном вниз до перекрытия линии.

Он не успел договорить.

Высоко над бетонным сводом, где в скальную породу уходили стальные направляющие верхнего подъёмника, раздался глухой, протяжный, похожий на пушечный выстрел удар лопнувшего под ледяным шквалом стабилизирующего троса. Пол под сапогами коротко вздрогнул; мигнули и вполнакала порыжели потолочные плафоны, переключаясь на внутренний геотермальный генератор станции, и в ту же секунду под сводами взвыла прерывистая медная сирена аварийной герметизации.

На главном табло над пультом Штольц одна за другой вспыхнули багровые плашки:

«ОБРЫВ ВЕТРОВОЙ ОТТЯЖКИ СТВОЛА. АВТОМАТИЧЕСКОЕ ЗАКРЫТИЕ ШТОРМОВЫХ ЗАТВОРОВ НА 72 ЧАСА».

Из боковых пазов на верхней и нижней галереях с тяжёлым гидравлическим гулом поползли навстречу друг другу шеститонные стальные бронеплиты. Земля под подошвами глухо ахнула дважды — сперва отсёкся путь наверх в Купол, а через четыре секунды намертво захлопнулся нижний шлюзовой тоннель монорельса. Звук бури снаружи мгновенно сменился плотной, давящей на уши бетонной глухотой замкнутого бункера.

Из бокового коридора медпункта, на ходу поправляя толстые роговые очки на вспотевшей переносице, выбежал станционный врач Павел Снегирёв в мятом белом халате поверх свитера:

— Марта Карловна, у нас что — полный сброс затворов?! А внешняя линия связи?!

— Волновод на мачте оборвало вместе с тросом, — Штольц с досадой щёлкнула тумблером сирены, обрывая вой, и сверилась с механическим хронометром блокировки под пломбой. — Автомат штормовой выдержки встал на семьдесят два часа. Вручную без синхронного ключа с верхней диспетчерской ни верхнюю, ни нижнюю плиту не поднять. До двадцати трёх сорока пятницы со станции никто не выйдет и сюда никто не войдёт.

В наступившей тишине старик Лазарев тяжело поднялся из-за столика у фикуса. Лицо его под жёлтым аварийным светом казалось совсем серым; пальцы в крупных старческих пятнах судорожно сжимали в кармане пальто какой-то твёрдый металлический предмет.

— Марта Карловна, — глухо произнёс он, ни разу не взглянув в сторону Корсаковой. — Распорядитесь, чтобы мне открыли малую барокамеру в медотсеке на обычный ночной час кислорода. У меня под утро приступы удушья от вашей подвальной вентиляции. И никого ко мне до шести утра не пускать.

Молодая женщина в зелёной куртке ботаника горько усмехнулась, гася окурок в жестяной пепельнице:

— Разумеется, папа. Главное — дышать полной грудью, пока остальные считают кубометры.

Лазарев даже не повернул к дочери головы — только тяжело зашаркал по бетонному коридору в сторону медицинского блока, а за ним с аптечной сумкой на плече торопливо засеменил сутулый доктор Снегирёв.

Глеб Воронов молча убрал неподписанный корешок конвойного листа обратно в карман. На ближайшие трое суток в бетонном мешке между небом и землёй оказались заперты ровно девять человек.

Глава 3. Камера чистого воздуха

Ночью спать Глебу пришлось в дежурной каморке конвоя на нижнем ярусе — узком пенале без окон с железной койкой, чугунным умывальником и гудящей за переборкой трубой парового отопления. Через коридор, за стальной решёткой временного бокса, ровно и безмятежно спал на деревянном топчане слесарь Кравцов, положив под голову свёрнутый ватник: человек рабочего яруса привыкал отсыпаться впрок в любой яме, пока не бьют и не ведут к следователю.

Сам Глеб так и не сомкнул глаз до пяти утра.

Он лежал на спине не раздеваясь, смотрел на ржавый потёк на белёном потолке и слушал, как по вентиляции сверху иногда доносится далёкое металлическое потрескивание остывающих переборок. В шесть ноль-ноль он по многолетней привычке достал из кармана секундомер «Слава», шестью короткими поворотами завёл тугую головку до упора и спустил ноги на ледяной бетонный пол.

Ровно через семнадцать минут сверху по винтовой лестнице сбежали тяжёлые кованые каблуки.

На пороге каморки стояла комендант Марта Штольц. Короткая седая прядь на её лбу растрепалась, правая ладонь лежала на расстёгнутом клапане кобуры, а лицо потеряло вчерашнюю казарменную невозмутимость.

— Воронов. Наверх, бегом, — отрывисто бросила она, не входя внутрь. — Ключи от клетки арестанта оставь при себе, но проверь засов. Корсакова приказала поднять тебя лично и без шума в жилом коридоре.

— Что стряслось, комендант? — Глеб застегнул ворот кителя и проверил навесной замок на решётке проснувшегося Кравцова. — Трос второй оборвало?

— Лучше бы трос, — мрачно процедила Штольц, широким шагом уходя вверх по чугунным ступеням. — Константин Ильич Лазарев не вышел в шесть утра из кислородной барокамеры.

Медицинский отсек располагался в глухом правом крыле среднего яруса, отделённом от гостиничных номеров тамбурной дверью с резиновым уплотнителем. В узком выложенном белым кафелем предбаннике пахло карболкой, сухим кварцем и холодным металлом. У массивного цилиндрического люка индивидуальной стационарной камеры «КЧВ-4» — толстостенной стальной капсулы размером с купе поезда, обшитой снаружи медными трубками манометров и вентилей, — стояли трое: Вера Корсакова в наброшенном на плечи тёмном кителе, белый как мел доктор Снегирёв, прижимавший к груди стетоскоп, и механик Вахромеев с газовым ключом в опущенной руке. Чуть поодаль у самого входа бесшумной тенью держался секретарь Илья Разин, не сводя внимательных тёмных глаз с затылка начальницы.

— Люк вскрывали? — первым делом спросил Глеб, останавливаясь за шаг до резинового коврика перед камерой.

— Никак нет, — хрипло отозвался Вахромеев, кивая на круглый смотровой иллюминатор из двухслойного бронестекла толщиной в три пальца. — Сами гляньте. Там изнутри три ручных клиновых ригеля задвинуты до упора. Это вам не гостиничная щеколда: в «КЧВ-4» на случай сбоя внешней автоматики пациент запирается изнутри наглухо механическими засовами, снаружи у них даже привода нет. Только резаком греть или ждать, пока сам отодвинет.

Глеб шагнул к иллюминатору и приблизил лицо к холодному круглому стеклу, стараясь не дышать на поверхность.

Внутри небольшой герметичной комнаты под ровным матовым светом потолочной кварцевой лампы стояло полуоткинутое кожаное кресло, маленький привинченный столик из нержавеющей стали и настенный щиток внутренней продувки. В кресле, чуть откинув голову к

левому плечу, неподвижно сидел Константин Ильич Лазарев в расстёгнутой серой фланелевой пижаме.

Глаза старика были полуоткрыты и уже подёрнуты тусклой плёнкой. Левая рука безжизненно свисала вдоль подлокотника, а правая лежала на стальном столике ладонью вниз, крепко сжимая массивный латунный цилиндрик личной гербовой печатки. На внутренней стороне бронестекла у нижнего края виднелась лёгкая белёсая изморозь, странная для тёплого отапливаемого бокса, а стрелка внутреннего барометра спокойно стояла на штатной единице атмосферы.

Ни следов борьбы, ни опрокинутого стакана с водой на полу, ни судорожно разорванного ворота на горле, за который обычно хватается человек при инфаркте или удушье, внутри не было.

— Во сколько он вошёл сюда вечером? — не оборачиваясь от стекла, спросил Глеб.

— В двадцать три пятьдесят пять, — дрожащим голосом ответил за спиной доктор Снегирёв, протирая очки полой халата. — Я лично выставил на задней гребёнке щадящую ночную подачу кислородно-гелиевой смеси — двадцать восемь процентов кислорода на пять часов, как предписано его кардиологической картой из Купола. В ноль-ноль ровно Константин Ильич задвинул внутренние ригели, я проверил герметичность по манометру и ушёл спать в ординаторскую. А в шесть ноль пять пришёл будить… стучал ключом по ободу, светил фонариком в зрачок — реакции ноль! Это острая коронарная недостаточность во сне, Вера Георгиевна, ему же семьдесят один год, изношенный миокард, вчерашний стресс со штормом…

Корсакова медленно перевела взгляд со сбивчивого врача на Глеба Воронова.

— Вахромеев говорит, что может срезать внешние петли автогеном за двадцать минут, не повредив внутреннюю обстановку, — произнесла она негромко и отчётливо. — Прежде чем механик зажжёт горелку, пойдёмте со мной в соседний кабинет на две минуты, следователь.

Глава 4. Белое пятно

Ординаторская Снегирёва представляла собой тесную комнату с железным шкафом медикаментов под навесным замком, кушеткой и письменным столом, заваленным бумажными карточками досмотра.

Корсакова плотно прикрыла за собой дверь, оставив Штольц и Разина в коридоре, и положила на край стола сложенный вдвое лист гербовой бумаги со штампом экстренного предписания Санитарного комитета.

— Читайте быстро, Воронов, — сказала она, скрестив тонкие руки на груди. — Нам с вами не до чиновничьих реверансов. Я прекрасно помню вашу фамилию и помню, за какую самодеятельность с почтовыми конвертами вас пять лет назад вышвырнули из городского управления в седьмой шлаковый околоток. Будь у меня сейчас работающий подъёмник или хотя бы телефонная пара с Куполом, вас бы не подпустили к двери этого медотсека на пушечный выстрел.

Глеб пробежал глазами сухие машинописные строчки временного мандата и поднял взгляд на её каменное лицо:

— Но телефонная пара мертва до вечера пятницы.

— Именно, — не дрогнув ни единым мускулом, подтвердила Корсакова. — Ровно через шестьдесят шесть часов автоматика поднимет верхний штормовой затвор, и сюда первой же клетью спустится дежурный взвод Особой санитарной инспекции. Вы знаете устав Белого допуска лучше меня, следователь. Гибель носителя четвёртого номера Реестра в закрытом контуре без установленной и задокументированной причины трактуется регламентом однозначно — как групповая диверсия с карантинной зачисткой свидетелей.

В тишине кабинета было слышно, как за стенкой глухо гудит компрессор медицинского крыла.

— Проще говоря, — спокойно перевёл Глеб на человеческий язык, — если к открытию затворов у вас на руках не будет либо железного доказательства естественной смерти Лазарева, либо конкретного убийцы в наручниках с полной уликовой базой, инспекция спишет в расход весь персонал станции ниже Белого допуска. Включая Снегирёва, Штольц, Вахромеева, вашего секретаря, моего подконвойного и меня самого.

— Моего секретаря и дочь Лазарева я, положим, отстою, но проверять это на практике не советую ни вам, ни им, — холодно отрезала Корсакова. — Мне нужен абсолютно точный ответ, Воронов. Не удобная отписка перепуганного фельдшера про инфаркт, которую верхние патологоанатомы разобьют за полчаса вскрытия в Куполе, а реальная картина. Если старик умер сам — докажите мне это физически до последнего винтика. Если ему помогли умереть внутри запертой изнутри стальной бочки — найдите кто и как, пока плиты закрыты. На эти трое суток у вас чрезвычайные полномочия досмотра любого помещения и опроса любого лица на станции, кроме меня. Мой статус неподсуден, но на деловые вопросы я отвечу добровольно. Договорились?

Глеб взял со стола бланк временного мандата, сложил вчетверо и сунул в нагрудный карман кителя рядом с карандашом:

— Одно условие, Вера Георгиевна. До того как я закончу первичный осмотр тела и газовой арматуры, никто — ни Снегирёв, ни Штольц, ни ваш протоколист — ничего внутри камеры руками не трогает и ни одной цифры в станционных журналах не правит. Зовите Вахромеева с резаком.

Через двадцать две минуты синее пламя ацетиленовой горелки с шипением перегрызло калёную сталь нижнего и верхнего наружных шарниров барокамеры. Вахромеев и Штольц

ломами отжали тяжёлую двухсоткилограммовую крышку люка на бок, уложив её на подставленные деревянные брусья.

Глеб выждал две минуты, принюхиваясь на пороге.

Воздух внутри капсулы был совершенно сухим, прохладным и лишённым какого-либо постороннего запаха — только слабый аромат лавандового мыла от пижамы покойного и едва уловимая гарь палёной кожи, которую Вахромеев списал на окалину от собственного автогена.

Надев чистые резиновые перчатки из шкафа Снегирёва, Глеб один перешагнул высокий комингс люка.

Первым делом он проверил три внутренних клиновых засова с левой стороны проёма: массивные стальные языки сидели в пазах на полную глубину, смазка на них не имела ни свежих задиров, ни следов проволочной петли или магнита, а щелей в резиновом контуре герметизации не пролезло бы и бритвенное лезвие. Запереть эти ригели снаружи после выхода было физически невозможно.

Затем Глеб перевёл взгляд на потолочный кварцевый обогреватель в углу — металлическая защитная сетка на нём оказалась откинута на защёлке, словно старик дотягивался до раскалённой спирали рукой, стоя на кресле, — и осторожно наклонился к лицу Константина Лазарева.

Губы и мочки ушей мертвеца имели густой синюшно-пепельный оттенок, а вот склеры глаз оставались почти чистыми, без точечных кровоизлияний, неизбежных при механическом удушении или резком спазме гортани. Кожа на груди и шее давно остыла, трупное окоченение уверенно сковало челюсть и пальцы рук: смерть наступила не под утро, а не меньше четырёх-пяти часов назад, около двух часов ночи.

— Ну что там, гражданин следователь? — робко заглянул через комингс доктор Снегирёв. — Я же говорил — тихая остановка сердца во сне, он даже позу в кресле не сменил…

— При тихой остановке сердца во сне люди не греют казённую латунь на спирали потолочного излучателя, доктор, — негромко ответил Глеб.

Он взялся за холодное запястье правой руки Лазарева и с усилием повернул скрюченную кисть вверх ладонью, разжимая пальцы вокруг выпавшей с тихим стуком гербовой печатки.

Поперёк широкой старческой ладони, прямо по линии жизни, чернел глубокий свежий термический ожог с чётко пропечатанным рельефом наборного цифрового клейма, которым в Реестре маркировали сургуч особо секретных пакетов. Лазарев переставил латунные колёсики датера на своей печатке вручную, раскалил металл о кварцевую трубку под потолком и изо всей силы прижал клеймо к собственной плоти за минуту до потери сознания — единственному месту, которое автоматическая вентиляция и чужие руки не смогли бы стереть бесследно.

Зеркальные цифры клейма отпечатались в обожжённой коже в прямом порядке, ровной шестизначной строкой:

«419-082».

Глава 5. Цифры на коже

Секунду или две в тесной стальной капсуле не двигался даже воздух.

Глеб стоял спиной к открытому люку, заслоняя столик и правую руку покойного широкими полами своего суконного кителя от стоявших в предбаннике Штольц, Снегирёва и Корсаковой. Лишь многолетняя следовательская выучка Нижнего яруса удержала его пальцы от малейшего вздрагивания, когда перед глазами в мёртвой обожжённой коже всплыл номер, который он пять лет помнил наизусть лучше собственной даты рождения.

Четыреста девятнадцать — ноль восемьдесят два. Воронова Марина Сергеевна, тысяча девятьсот девяносто первого года рождения, вторая группа вечернего эшелона с Нулевой платформы.

Человек, придумавший и возглавлявший систему Реестра всего сектора «Север-4», заперся на ночь в стальной капсуле шлюза, понял, что умирает, и из ста восьмидесяти тысяч учётных карточек города выжег на своей ладони номер жены разжалованного участкового следователя, случайно застрявшего этажом ниже из-за оборванного троса.

Или не случайно?

— Что у него с ладонью, Воронов? — сухо спросила из предбанника Корсакова, делая полшага к срезанному люку. — Покажите.

Глеб не стал прятать руку — прятать явную улику от глаз зампреда Комитета значило подписать себе приговор в первую же минуту. Напротив, он спокойно посторонился вполоборота, пропуская тусклый свет на обугленную борозду посреди ладони, а сам прежде нагнулся и поднял со стального столика остывшую латунную печатку с наборным барабаном.

Барабан датера на торце печатки был сбит сильным ударом об угол стального столика уже после ожога — колёсики свободно проворачивались на погнутой оси, показывая бессмысленный ряд нулей и семёрок, а сам ожог на стянувшейся от жара коже по краям запёкся тёмной сукровицей так, что разобрать средние цифры без лупы и бокового света с двух шагов было непросто.

Корсакова остановилась у самого комингса, брезгливо прищурившись на почерневшую ладонь старика:

— Он что… прижёг себя собственной печатью? У него началась предсмертная горячка?

— Похоже на попытку оставить цифровую отметку перед потерей сознания, — ровным, совершенно казённым тоном доложил Глеб, доставая из кармана служебный блокнот и намеренно медленно присматриваясь к ладони под углом. — Кожа сильно стянута ожогом третьей степени. Первая цифра четвёрка, дальше единица или семёрка, в конце двойка. Без промывки и макросъёмки точный индекс спорный, но трогать эпидермис до консервации нельзя — сотрём рельеф. Снегирёв, у вас есть стерильный сухой бинт и пергаментная бумага?

— Е-есть, сейчас! — врач метнулся к шкафчику и вернулся с рулоном марли.

На глазах у Корсаковой Глеб аккуратно наложил поверх ладони Лазарева сухой пергаментный квадрат, не касаясь раны, плотно забинтовал кисть в четыре тура и опечатал узел бумажной полоской со своей подписью, а саму погнутую печатку опустил в чистый стеклянный флакон для анализов и убрал к себе в карман.

— Значит, всё-таки не инфаркт во сне? — тихо, одними губами спросила Марта Штольц, бледнея под седой чёлкой.

Глеб вышел из барокамеры, стянул перчатки и указал подбородком на нижний угол двухслойного иллюминатора, где ещё не до конца растаяла белёсая полоска инея, а потом — на тонкую медную трубку продувки, выходившую сквозь заднюю стенку капсулы в техническую галерею «Б»:

— Инфарктники не оставляют зашифрованных клейм на ладонях, комендант, и от дыхания живого человека в двадцатиградусной комнате не намерзает иней на внутреннем штуцере подачи. В камеру под видом дыхательной смеси подали сильно охлаждённый сжатый газ после резкого дросселирования из магистрального баллона высокого давления. Судя по чистоте склер, отсутствию судорог и пепельному цианозу без вишнёвой окраски угарного газа — вероятнее всего, чистый технический азот. Два-три вдоха дают лёгкое головокружение без удушья, углекислый газ спокойно выдыхается наружу, поэтому дыхательный центр мозга даже не включает тревогу. Человек просто засыпает навсегда за полторы минуты. Константину Ильичу хватило опыта или падения стрелки расходомера, чтобы понять подмену за минуту до обморока.

Доктор Снегирёв схватился обеими руками за косяк двери и тяжело сполз плечом по кафелю:

— Этого не может быть… Задняя газовая гребёнка в галерее «Б» под свинцовой пломбой техотдела! Туда же никто ночью не ходит, там даже коридор под круглосуточной видеозаписью на пост охраны!

Глеб внимательно посмотрел поверх его трясущихся очков на неподвижного секретаря Илью Разина в дверях, потом на угрюмого механика Вахромеева и перевёл взгляд на Корсакову:

— Вот с поста охраны мы прямо сейчас и начнём, Вера Георгиевна. Медотсек опечатать вторым ключом коменданта, ключ сдать мне. Время на часах — шесть пятьдесят две. До подъёма затворов осталось шестьдесят пять часов.

Глава 6. Слепая лента

Пост внутренней безопасности помещался в бетонном стакане над главным распределительным залом — четыре серых кинескопных монитора, стойка магнитных видеорегистраторов на широкой дюймовой ленте и журнал ночных обходов в клеёнчатой обложке.

Марта Штольц заперла дверь поста изнутри на вертушку, щёлкнула тумблером третьего канала и отмотала бобину ночной записи на половину второго ночи.

— Камера номер шесть смотрит вдоль всей технической галереи «Б» от углового поворота до двери газового коллектора, — пояснила она, упираясь кулаками в край стального пульта. — Слепых зон там нет: труба прямая, сорок метров голого бетона, дежурные плафоны горят вполнакала круглые сутки. Я сама принимала смену в двадцать два ноль-ноль — ни одна живая душа с нижних маршей туда без карточки техотдела не пройдёт.

Чёрно-белое зернистое изображение на выпуклом стекле монитора дёрнулось и пошло ровным ходом. В левом нижнем углу тикали белые электронные цифры станционного таймера: «01:36:40». Пустой узкий коридор, ребристые чугунные тюбинги по стенам, пронумерованные белой краской через каждые два метра для ремонтников, и глухая железная дверь газовой гребёнки в дальнем конце.

В «01:37:12» изображение в ближней части экрана слегка пошло рябью.

Из-за угла в коридор шагнул человек — и Марта Штольц шумно втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

На экране не было ни лица, ни одежды, ни пола. По бетонному полу галереи от камеры к двери газового коллектора плыло вертикальное, ослепительно-белое светящееся пятно ростом с человека, размытое по краям квадратной цифровой решёткой.

Стандартная аппаратная маска системы «Купол-Щит».

Закон неприкосновенности Высшего реестра, принятый пятнадцать лет назад: стоило носителю активного радиомаяка Белого допуска попасть в поле зрения любой городской или станционной телекамеры, встроенный в тракт видеозаписи дешифратор автоматически выжигал силуэт поверх плёнки белым молочным прямоугольником, чтобы ни один конвойный или техник Синего и Серого яруса не смел отслеживать перемещения членов Комитета и изучать их лица без санкции.

Белый безликий призрак беззвучно дошёл до дальней двери, остановился на одиннадцать секунд — замок послушно открылся перед высшим кодом доступа без всякого ключа, — и пятно исчезло за створкой.

Штольц перевела тяжёлый, растерянный взгляд на стоявшую в углу поста Веру Корсакову.

— На станции вчера с полуночи находились только два маяка Белого допуска, — очень тихо проговорила комендант, забыв про субординацию. — Четвёртый номер Константина Ильича, который лежал у него в кармане пальто на вешалке внутри запертой изнутри барокамеры… и ваш девятый номер, Вера Георгиевна.

Корсакова даже бровью не повела под этим взглядом.

— Мой китель с маяком висел в шкафу третьего люкса, дверь которого запирается изнутри на французский замок, — ледяным тоном ответила она. — Я легла в половине первого и не выходила из номера до стука Снегирёва в шесть десять утра. Если бы я хотела убрать Лазарева, Штольц, мне незачем было бы красться ночью с гаечным ключом к водопроводной трубе — достаточно было одного моего росчерка в Куполе.

Глеб не участвовал в их перепалке. Он стоял, низко наклонившись к самому стеклу кинескопа, и держал в левой ладони свой механический секундомер с треснутым стеклом.

— Отмотайте назад на «ноль один тридцать семь ровно», Марта Карловна, — попросил он. — И пустите без ускорения. До выхода из коллектора.

Штольц щёлкнула клавишей возврата. Плёнка снова пошла вперёд.

Как только край белого молочного столба пересёк белую цифру «4» на чугунном тюбинге стены, большой палец Глеба нажал коронку «Славы». Сухое частое тиканье побежало под стеклом.

Алгоритм оптической цензуры закрашивал фигуру человека с запасом в двадцать сантиметров вокруг туловища и головы, намертво стирая плечи, походку и обувь. Но верхний аварийный плафон на потолке галереи висел чуть сбоку, под углом к объективу, — и по нижнему краю противоположной кафельной панели, за пределами выжженного белого прямоугольника, скользила бледная серая полоска косой тени от головы и плеча идущего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.